

чали, или к войне и бою общество побуждали, или страсти утешали других, или возбуждали речью огонь любовный и преклоняли твердые и окаменелые иногда сердца любовниц своих» (там же). Таким образом, красноречие положило начало поэзии, первой и наиболее естественной формой которой является песня, и именно любовная песня. «Почитать надлежит страсть любовную больше вкорененну в род человеческий, нежели многие другие страсти... Она родила любовные мысли, она произвела любовные речи, которые, когда соединялись с голосным пением, произвели падение слов, и для лучшей приметы кончающегося разума, или паче музыкального тону, рифмы» (там же, стр. 11). Признавая дальнейшее развитие поэзии в сторону дидактики, автор «рассуждения» все же отдает предпочтение не этим искусственным формам, а естественным, т. е. песням. «Сие мнится быть происхождение от начала стихотворства в натуре своей, которое после обратилоя в великую важность между учеными людьми» (стр. 14). Таким образом, «Рассуждение о начале стихотворства» представляло собой апологию дворянской «песенной» поэзии и, не выступая открыто против дидактической поэзии, стремилось представить ее как продукт цеховой учености, имеющий сравнительно узкий интерес.

Если это возражение автору рассуждения «о качествах стихотворца» строилось на теоретической почве, то совсем иной характер имела длинная статья И. П. Елагина, носившая название: «Автор». В примечании к «первому листу» (Ежемес. соч., 1755, июль, стр. 83) указывалось, что данная статья представляет свободный перевод из «Лейпцигских увеселений разума». В самом деле, в издававшихся в 1741—1744 гг. в Лейпциге «Belustigungen des Verstandes und des Witzes» в августовской—декабрьской книжках за 1743 г. была помещена анонимная статья «Der Autor». Сравнение оригинала с переводом показывает, что обработка Елагиным делалась применительно к русским условиям.

Особенный интерес представляет «первый лист» «Автора», напечатанный, очевидно, под свежим впечатлением «Рассуждения о качествах стихотворца». Ряд намеков, заключающихся в этой статье, легко раскрывается и позволяет заключить, что Елагину было известно, кто является автором анонимного рассуждения, направленного против дворянской поэзии вообще и против Сумарокова и самого Елагина в частности.